

ОН СКАЗАЛ с точностью до одного дня, словно было это вчера: «В сорок седьмом году, 10 января, пришел в столярный цех театра». Чем был околдован — и самому невдомек. Только как сдал в тот день свою трудовую книжку, так до сих пор она и лежит в отделе кадров Читинского драматического театра. А кажется, что и сам он все эти долгие годы пропадает в театре безвыходно. Да что кажется: утром приходишь — Власыч уже на месте, вечером уходишь — он еще в цехе. В воскресенье — опять у верстака. В неизменном длинном фартуке, в стареньких сачках, с карандашом за ухом. Перекур у него не бывает. В обед перекусит наскоро, прямо в цехе, и вновь за дело. В любую минуту зайди — руки у него не пустуют. То пилит, то строгает, то сколачивает. Словом, не работа его, а он ее ищет.

Раньше по вечерам приходил в парадном костюме, с женой, садился в директорском ряду и смотрел спектакли. Декорации, которые он знал до последнего гвоздика, вслепую мог собрать и разложить, выглядели из зала неузнаваемо. Он это отмечал с удивлением и тут же забывал о них, захваченный актерской игрой. Но после, по дороге к дому, снова вспоминал, и теплой волной окатывало душу. Черт-те и знает, думалось, вышел ли бы спектакль, кабы актеры играли на голой сцене. Первое время так думал, пока не пообвык. А потом уже усвоил и знает твердо, что любая постановка начинается свою жизнь в его цехе. Перво-наперво.

Столярное ремесло знал он и до театра: в тридцатых годах, безусым еще, кончил по направлению колхоза курсы в Чите и вернулся в родную Кыру. Кошары строил, телеги ремонтировал — немудреная была работа, а все же сноровки прибавлялось. В войну тоже довелось столярничать. Когда перебрались с восточного фронта в Москву, участвовал в восстановлении разрушенных зданий. Одно почему-то запомнил особо: инженерно-строительный институт на Чистых прудах, МИСИ его называли, да и теперь так называют.

А в театре почувствовал себя вдруг новичком. Словно с новой профессией столкнулся. И чертежи понадобилось освоить, и в сугубую театральную специфику вникнуть, и прочие хитрости уловить. Хотя и на гвоздях, как он говорит, а работа замысловатая, не каждый сделает. Хорошо было у кого подучиться: Василий Васильевич Голубцов, заведовавший цехом, не держал секретов мастерства про себя. Да и напарник попался золотой — Виктор Николаевич Сахаров, с этим в цехе бок о бок до сих пор, без малого три десятилетия кряду. Почерк у них один: что тот, что другой ни минуты не посидят. Какой бы сжатый срок ни дали на спектакль, всю «столярку»

ВETERАНОВ ДОМ РОДНОЙ

сделают ко времени. И не абы как спячают, а на совесть.

У Власыча на руке пальца одного не хватает. Вполне за фронтовое ранение принять можно. Но это тут, в цехе, угодил в одночасье под нож пилы, да сгоряча и значения не придал, замолотил небрежно и продолжал пилить-строгать.

А война к нему оказалась милосердна. По первому снежку вернулся осенью сорок пятого к семье, жив-здоров, отделившись легким ранением. За чудо считает: как-никак последний военный год был полковым сапером, поминутно рядом со смертью ходил. С одними медалями вернулся, ордена уже дома догнали — Красной Звезды и Славы III степени. Первый орден за штурм Кенигсберга получил. До последнего своего дня будет помнить ту ночь, когда напши уходили на новый рубеж, а его с курским парнемком послали искать затерявшуюся бричку. В темноте слышали немецкую речь и, в азарте только что завершившегося удачного наступления, метнули для остротки гранату с одновременным «руки вверх!». Вдвоем пленили 22 гитлеровца и три километра прогнали их бегом, догоняя своих. Пленные офицеры дали командованию ценные показания. Попова и того курского паренька тут же представили к ордену...

Пришел в театр — был Володей. С годами стали звать по отчеству — Власычем. И уже не только столярный цех, а, кажется, самый театр не представить без него — Владимира Власовича Попова. Переманивали его, и предложения были лестные, на машиностроительный завод, например. Но ведь и ему уже не представить себя без театра. «Привязчивая», — говорит, — работа. А можно и так сказать: творческая. Потому что вкладывает он в нее душу, всего себя.

И ЕСЛИ есть еще в театре человек, который так же без остатка предан ему, так это Анастасия Михайловна Лобыничева. Человек, ставший позволено будет выразиться, живой достопримечательностью города. Четверть века бесценно видят ее читинцы в окошке театральной кассы. Пожалуй, иного артиста так не знают, как знают Анастасию Михайловну. Но и она знает в лицо и по имени-отчеству едва ли не полгорода. Не просто потому, что сама частый гость в организациях и на предприятиях, где распространяет билеты, а от неподдельного своего внимания к людям, которое покоряет с первого знакомства. Неизменно ровная и приветливая в общении со всеми, она так и светится желанием сделать добро каждому. Так подумает: много ли его на столь незаметном посту сделаешь? Да и общение-то вроде минутное, протянул билет — принял деньги. А вот уходит от нее с чувством благодарности, испытывая на себе обаяние ее личности. Где разгадка этого? В каждом она бескорыстно заинтересована, и это невольно подкупает людей. Обращается старушка — дает ей самые дешевые билеты, объясняет: «Постоянно с мужем в театр ходят, а оба пенсиперы, деньгами не богаты». Не осталось мест в зале, а человек издалека: «Ничего, ничего, сейчас что-нибудь придумаем». Глядишь — уже несет стул или усаживает его на приставное кресло. Мать берет для малыша билет на детский спектакль и сокрушается, что сама будет в это время на службе. «Ничего, ничего, не волнуйтесь, я вашего ребенка устрою и присмотрю за ним».

А тут же почти беспрерывно звонит телефон, делают заявки впрок, берут билеты на целый коллектив под расписку, улаиваются о приезде

туристических групп — и все-то она успевает, не забывая выполнить ни одного своего обещания. От нее словно исходят токи тепла и доброты, и ощущаешь их не только по ту сторону окошка театральной кассы, но и на другом конце телефонного провода. Глядя на Анастасию Михайловну, в который раз отметишь про себя: есть все-таки незаменимые люди! Лучшего, чем она, посредника между театром и зрителем трудно найти.

И как не поверить, что так же незаменима была она в полевом госпитале. Когда тяжелораненные отказывались принимать пищу, никто, кроме нее, не мог уговорить их. А ведь и была-то тогда совсем девочкой! В первый же месяц войны на восемнадцатом году от роду ушла добровольцем. Рыла сначала траншей в родном Чернигове, потом построили на площади 500 комсомольцев и повели из города навстречу пожарщикам. Под первой же бомбежкой легла треть этой колонны. Тут были и первые ее раненые... Так и родился этот походный госпиталь, с которым она прошла все годы войны, обособившись на последнем ее этапе в Горьком, где тоже не стихали sireны воздушных налетов. В долгом этом пути по фронтовым дорогам довелось санитарке Насе и партизанить, и выносить на себе раненых из-под обстрела, и хоронить боевых друзей, и самой лечиться от ран и контузии в своем же госпитале. Отдавала ослабевшим стограммовый хлебный паек. И с такой же готовностью отдавала раненым свою кровь. Распевный ее украинский говорок с мягким «го», сам ее голос, исполненный ласки, сердечности и сострадания, врачевал иногда лучше лекарств. Откуда брались силы дежурить по двое суток без сна, носить на себе с шестого этажа и обратно наверх раненых при бомбежках, она теперь не может ответить. Думает так: от молодости, а главное — от веры в победу. Они тогда не знали, доживут ли до нее, а ложась спать, обязательно прощались друг с другом. Но одно знали несомненно: победа будет! И когда он пришел, великий день Победы, и бойные убежали из госпиталя и танцевали на площади прямо в больничном белье, с костылями, с повязками, в гипсе, она впервые при них плакала открыто, не стыдясь слез счастья...

С той, военной поры, наскитавшись с госпиталем по военным дорогам, сохранила она и умение ориентироваться на любой незнакомой местности, и бесстрашие одиночных походов по лесу.

Вскоре после войны перевели мужа в Забайкалье: и она полюбила здешнюю тайгу. Как ни тоскует сердце по родным черниговским краям, а уже за четверть века Чита стала вторым домом. А первым... Первым домом остается, конечно же, театр.

В. ФИЛИПОВА.